Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

№ 41. изданія годъ XVI.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

ВСѢ ОБЪЯВЛЕНІЯ для журнала „Шутъ“, КРОМѢ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ, принимаются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Центральной Конторѣ Объявленій бывш. Л. Метцль въ Москвѣ, на Мясницкой ул., д. Спиридонова.

ШУТЪ

8 Октября 1894 г. № 41.

Пріемъ объявленій по 25 коп. за мѣсто занимаемое строкою петита, въ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17.
Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.
Возвращеніе рукописей не обязательно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

ЛЮБИТЕЛЬНИЦЫ СВѢЖАГО ВОЗДУХА.

— Какъ, въ такой расчудесный вечеръ ты киснешь въ душной комнатѣ?!.. Одѣвайся скорѣй и сейчасъ же пойдемъ... въ ресторанъ!..

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА".

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.
Шекспиръ.

Обыватели Одессы имѣютъ право сказать теперь:

— На нашей улицѣ праздникъ!

Телеграммами изъ Одессы интересуются теперь больше, чѣмъ извѣстіями изъ Пекина, а выдержки изъ одесскихъ газетъ читаются съ бо̀льшимъ интересомъ, чѣмъ романы Ясинскаго.

Происходитъ это потому, что въ Одессѣ разбирается дѣло о столкновеніи пароходовъ „Владиміра" съ „Колумбіей".

„Процессъ-фуроръ!" назвалъ бы его какой-нибудь составитель театральныхъ афишъ.

И тутъ же добавилъ бы:

„Съ участіемъ приглашенныхъ на гастроли петербургскихъ и московскихъ адвокатовъ: Н. I. Холевы (étoile) и др.".

Въ этомъ процессѣ адвокатскимъ языкамъ есть гдѣ развернуться. Одинъ изъ нихъ ухитрился даже быть и истцомъ, и отвѣтчикомъ.

Такова сила адвокатскаго таланта:

Стоитъ налѣво, говоритъ—*за.*

Перейдетъ направо, говоритъ—*противъ.*

Обвиняемые на судѣ держатся бодро. Кріунъ—глубокомысленъ; Пеше—жизнерадостенъ.

Нѣкоторыя недоразумѣнія происходятъ съ переводчиками. Приглашенные въ судъ лингвисты переводятъ итальянскія рѣчи не лучше, чѣмъ у насъ переводятъ фарсы гг. Мансфельды и Разсохины. Явленіе печальное въ судебной практикѣ.

* *
*

Маріинскій театръ передѣланъ и отдѣланъ. Для осмотра его спеціально пускали публику.

— Зрите и удивляйтесь!

Дирекція расхвасталась во всю:

— Обратите вниманіе: новыя фойе, новые корридоры, новыя уборныя, новый декораціонный залъ, новая обивка... Все новое...

— Ну, а какъ насчетъ „порядковъ"?

— Порядки остаются старыми!

И такъ:

Опять спектакли для любимцевъ.

Опять пристрастіе къ иностранному.

Опять все по старому.

За то, господа, обивка новая!

* *
*

Съ берлинскими „фейерверкерами" случилось непріятное qui-pro-quo.

Впрочемъ, на сколько оно непріятно, на столько и курьезно.

„Фейерверкеры" сіи однажды закричали воинственно:

— Да здравствуетъ *артиллерія!*

Къ несчастью у полицейскаго былъ, вѣроятно, шумъ въ ушахъ и очень быстрый полетъ фантазіи.

Ему послышалось, что „фейерверкеры" кричали:

— Да здравствуетъ *анархія.*

Въ результатѣ — арестъ, удивленіе, переполохъ, злоба дня.

По телеграфнымъ проволокамъ поскакали сенсаціонныя телеграммы.

И, наконецъ, все объяснилось.

Полиція прочистила себѣ уши и фейерверкеры были спасены.

Вотъ что значитъ слушать „брюхомъ, а не ухомъ".

* *
*

Кто не знаетъ Іоганна Штрауса?

Того самаго, который, дирижируя оркестромъ въ Павловскѣ, сводилъ съ ума бабушекъ.

О! Это самый популярный у насъ композиторъ.

Можно держать пари, что найдутся люди, которые не слыхали ни разу „Рогнѣды", но не найти ни одного человѣка, который не слыхалъ бы „Цыганскаго Барона".

Вотъ кто такой Іоганнъ Штраусъ!

На этой недѣлѣ онъ праздновалъ свой юбилей. Вѣна по этому случаю была торжественно настроена.

Самъ Кальноки сталъ насвистывать штраусовскій вальсъ „Wiener Blut".

* *
*

Герцогъ Орлеанскій хочетъ быть Александромъ Македонскимъ.

Онъ приглашаетъ отставныхъ генераловъ отправиться осматривать во всей Европѣ поля сраженій.

Чтобы потомъ легче было драться на знакомомъ уже полѣ.

Если герцогъ Орлеанскій дойдетъ до Петербурга, совѣтуемъ ему осмотрѣть карточную комнату въ нѣмецкомъ клубѣ.

Вотъ настоящее „поле брани".

* *
*

Сразу двѣ электрическія новинки въ Петербургѣ:

Электрическая пѣвица Миссъ Сита въ Маломъ театрѣ и электрическая желѣзная дорога черезъ Неву.

Первую откопалъ г. Пальмъ.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

«АЛЬКАЗАРЪ».

M-lle НАЙЯ.

Звѣзда „Алькazара".

Вторую проектируетъ общество финляндскаго пароходства.

Миссъ Сита совсѣмъ оригинальная артистка.

Она можетъ быть и пѣвицей, и танцовщицей, и годится даже для освѣщенія улицы, вмѣсто электрическаго фонаря.

Что же касается до электрической желѣзной дороги черезъ Неву, то будемъ надѣяться, что она устроится раньше... *Троицкаго моста*!

Шутъ 2-й.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЯПОНІИ.

По случаю побѣдъ надъ китайцами, во всей Японіи идетъ ликованіе: кафешантаны и прочія веселыя учрежденія переполнены ликующими японцами. Патріотическія „Клико" и „О, cochon" исполняются, по требованію публики, безчисленное множество разъ.

Всѣ японцы преисполнены воинственнаго настроенія: было уже много случаевъ разгромленія трактировъ. Среди буфетчиковъ паника; арестные дома переполнены.

Ежедневно идетъ отправка войскъ на театръ военныхъ дѣйствій. За недостаткомъ судовъ, часть войскъ плыветъ въ Корею въ прачешныхъ лоханкахъ и верхомъ на пивныхъ бочкахъ.

Ходятъ слухи о Микадо, который будто бы объявилъ, что для заключенія съ Китаемъ мира онъ требуетъ: низверженія нынѣшняго богдыхана и провозглашенія китайскимъ императоромъ одного заштатнаго коллежскаго регистратора, проживающаго въ настоящее время въ Галерной гавани, на Канареечной улицѣ.

Нѣсколько японцевъ, опьянѣвъ отъ побѣдъ и англійской горькой, распороли себѣ животы.

Отовсюду стекаются массы пожертвованій на военныя издержки. Одинъ японецъ, въ порывѣ патріотизма, пожертвовалъ даже свои послѣднія брюки и теперь ходитъ безъ брюкъ. Другой пожертвовалъ жену. Жена отправлена въ дѣйствующую армію.

Базиль.

РАСТЕРЯЛАСЬ.

Медовый мѣсяцъ... Молодые цѣлуются въ гостиной... Вдругъ входитъ горничная...

Жена.—Что тебѣ здѣсь нужно, Маша?.. Тебя, вѣдь, никто не звалъ!..

Горничная.—Да мнѣ... Я думала... Я пришла спросить, не нужно ли вамъ помочь?..

—и.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Мадридъ. Возможно, что нѣкоторые министры уступятъ свои портфели членамъ большинства. Вмѣстѣ съ портфелями новые министры получатъ по гитарѣ и по парѣ кастаньетъ.

Двѣсти андалузскихъ быковъ съ гаванскими сигарами въ зубахъ произвели враждебную демонстрацію предъ зданіемъ палаты депутатовъ.

Бѣлградъ. Миланъ продолжаетъ строить козни по ночамъ: свиститъ таинственно носомъ и бесѣдуетъ съ совой.

Вѣна. Старшиною нѣмецкаго клуба депутатовъ ландтага въ Прагѣ избранъ докторъ Шлезингеръ.

Старшины нѣмецкаго клуба въ Петербургѣ, по слухамъ, посылаютъ доктору Шлезингеру свое благословеніе.

Лондонъ. Послѣ племянника Ли-Хунгъ-Чанга уличена въ панамѣ и теща, которая взяла сто тысячъ за поставку въ армію бамбуковыхъ палокъ, вмѣсто ружейныхъ стволовъ. Теща вицекороля лишена желтаго головного платка и ежедневной порціи кофе съ цикоріемъ. Кромѣ того, на тещу надѣтъ собачій намордникъ.

Лондонъ. Изъ Шанхая телеграфируютъ: „Въ полной увѣренности, что тараканъ приноситъ счастье, Ли-Хунгъ-Чангъ ежедневно кушаетъ за чаемъ булки съ тараканами. Вице-королю возвращены за это лѣвый рукавъ желтой куртки и орденъ Драконова Рыла".

ЛИСТОПАДЪ.

Увлеченные общею пляской,
Листья вьются въ трущобѣ лѣсной.
Вѣетъ старой забытою сказкой
Подъ деревьями этой порой.

Въ дни октябрьскіе съ толстою книжкой
Повѣстей Турусенки Ильи
Въ глушь берлоги прославленный Мишка
Вновь стопы направляетъ свои.

Холодами грядущими вѣетъ;
Опадаетъ деревьевъ краса.
Тѣло грѣшное кофеемъ грѣетъ
Въ эти дни старушонка-лиса.

Только заяцъ на биржѣ играетъ
На „паденье" въ октябрьскіе дни:
Онъ старательно листья скупаетъ,
Ибо *падаютъ* нынче они.

Мяу-Дзы.

ПЕРЕДЪ НАБОРОМЪ.

— Ларивонъ, это ты у меня изъ комода брошь вытащилъ?

— Хоша и я, дражайшая маинька, но былъ вынужденъ къ этому обстоятельствами: тятенька по сквалыжности своей зачетной квитанціи для меня не купилъ, то и задумалъ я хоть ломбардную квитанцію за брошь получить.

— Да вѣдь она отъ солдатчины не спасетъ.

— Всячески это для меня утѣшительно: все же я съ квитанціей, и ежели не отъ солдатчины, то отъ безденежья спасся.

—

— Эй, прислужающій, подь сюда.

— Что прикажете?

— Видишь ли,—скоро я бутылку на ружье промѣнять должонъ, такъ будь другомъ—дозволь мнѣ твою рожу горчицей вымазать. Вѣдь въ послѣдній разъ, можетъ быть.

I. Dream.

РОМАНСЪ.

Гасла зорька надъ рощей сосновой,
Лепетала трава въ полуснѣ,
Ѣхалъ мѣсяцъ на тучѣ лиловой,
Словно витязь верхомъ на конѣ.

Собиралися сѣрыя тѣни,
Страшный филинъ садился на сукъ,
Я жъ упалъ предъ тобой на колѣни,
Ни себя не жалѣя, ни брюкъ!

Было грязно... Но даже отъ скуки
Ты къ моей не склонилась мольбѣ...
Настроеніе духа и брюки
Я въ тотъ вечеръ испортилъ себѣ!..

Мр. Шт.

КРУПНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Первый.—Петръ Петровичъ, будьте любезны, разсудите насъ...

Второй.—Не слушайте его, слушайте, что я вамъ скажу...

Первый.—Молчи, вѣдь ты невѣжда...

Второй.—Самъ невѣжда!

Третій.—Успокойтесь, господа, я вижу, что вы *оба правы*...

Б.

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ карикатурный отчетъ о новой пьесѣ „Хворая", только что разыгранной въ Александринскомъ театрѣ.

Петербуржецъ, не побывавшій въ театрѣ на первомъ представленіи, жадно хватается за газеты,—желая составить себѣ, хотя приблизительно, представленіе о „представленіи".

Разворачиваетъ „Петерб. Газ." и читаетъ:

„На вчерашней новой пьесѣ „Хворая" можно было отдохнуть. Разыграна пьеса очень хорошо. Народно-бытовыя пьесы наши актеры играютъ такъ же хорошо, какъ дурно играютъ салонныя. Бытовыя пьесы наши актеры учатся играть и потому эти роли они играютъ... у нихъ есть школа, пріемъ, манера"...

Разворачиваемъ „Сынъ Отечества":

„Актеры вовсе не были похожи на крестьянъ, какъ ни старались... Полнаго сбора пьеса не сдѣлала. Было много журналистовъ (?)".

Авторъ замѣтки, кажется, хочетъ сказать, что пьеса оттого не имѣла успѣха, что было много журналистовъ.

Въ „Петербургскомъ Листкѣ" читаемъ:

„Исторія „Хворой" довольно скучная исторія, и не будь картинъ сельской жизни — слушая пьесу, заснули бы многіе".

И такъ далѣе... Продолжая разворачивать газету за газетой, сумбуръ усиливается.

— Какъ быть?

— Выписывайте какую-нибудь одну газету, и у васъ тогда сомнѣній не явится! Ха-ха-ха!... пробасилъ откуда-то появившійся Мефистофель.

* *
*

Миссъ Сита, дѣйствительно, можетъ быть прозвана *блестящей* танцовщицей, не только съ *огонькомъ*, а съ цѣлымъ снопомъ электрическихъ лучей, съ моремъ брилліантоваго фейерверка.

— Передъ представленіемъ меня заряжаютъ десятью фунтами сѣрной кислоты... любезно сообщаетъ она интервьюерамъ.

— Подъ костюмомъ у меня динамо-машина въ девять лошадиныхъ силъ.

П...п...ппазвольте, миссъ... Цѣлая динамо-машина!? Это, кажется, черезчуръ!.. Впрочемъ, можетъ быть, интервьюеръ перевралъ!..

— Я заряжена такою силой электричества, что сѣвъ въ вагонъ, могу его заставить довольно скоро двигаться... Отъ одного моего взгляда цѣлый баталіонъ солдатъ валится на полъ.

Взглядъ, какъ видно, дѣйствительно *убійственный*! Но мы смѣемъ предполагать, что эта сила взгляда была у „mademoiselle" много лѣтъ раньше.

* *
*

Еще немножко „электричества".

Отъ городской управы зависитъ—поѣдемъ мы на „лектричествѣ", или—не поѣдемъ!

Общество финляндскаго легкаго пароходства, попрятавъ на зиму въ сараи свои „легонкіе"

пароходишки, предлагаетъ управѣ разрѣшить построить настоящую электрическую желѣзную дорогу черезъ Большую Неву.

Имѣй петербуржецъ или петербуржка въ тур-

— Хорошъ мой зятекъ — твой любезный муженекъ... Мать не смѣетъ заботиться о дочери! Прошу покорно... мнѣ онъ говоритъ: „Вы, маменька, нашихъ средствъ не знаете!“ Средствъ нѣтъ! Мнѣ это нравится... Зачѣмъ же женился, если не можетъ содержать жену какъ слѣдуетъ... Жена не можетъ имѣть лишней шляпки!.. Да послѣ этого, ты будешь дура, если не наставишь ему рога!..

НАШИ ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ.

Онъ.—Ну, какъ вамъ понравился этотъ романъ?
Она.—Ахъ, страшно глупый: молодой красивый господинъ любитъ хорошенькую дамочку, и — представьте! — у ея мужа нѣтъ денегъ!..

БЛАГОПОУЧИТЕЛЬНЫЕ АНЕКДОТЫ.

Нѣкакой господинъ при происшедшей вблизи берега съ кораблемъ аваріи бросился въ воду и поплылъ къ берегу. Приплывши туда, онъ отряхнулся яко песъ, потомъ метнулся въ воду обратно, дабы спасти жену, каковую и спасъ съ превеликимъ трудомъ.

Когда же его вопросили—почему онъ не захватилъ жены своей сразу и невѣдомо для чего сначала одинъ сплавалъ на берегъ, то вопрошаемый отвѣтствовалъ сице:

— Прежде всего я долженъ былъ спасти самъ себя, поелику, ежели бы я сперва самъ себя не спасъ, то кто бы спасъ жену мою?

Вотъ, что значитъ поступать воистину предусмотрительно.

—

Нѣкакой словоблудъ, иначе адвокатомъ именуемый, защищая вора, закончилъ рѣчь свою тако:

— И такъ, если примемъ во вниманіе необыкновенную прочность кассы, недостаточность времени, оставшагося для взлома, и несовершенство инструментовъ, то воистину можемъ сказать, что обвиняемый въ потѣ лица заработывалъ хлѣбъ свой...

Правильно ли, любезныя дѣти, разсудилъ оный словоблудъ?

Р. Э.

СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Какъ только встаетъ—пьетъ *чай*; за обѣдомъ—обязательно *рисъ* во всѣхъ видахъ: и въ супѣ, и съ курицей, и оладьи изъ риса; на сладкое—*мандарины*. Костюмъ носитъ изъ *чи-чун-ча*; трость—*бамбуковая*.

Читаетъ романъ П. Боборыкина „*Китай-Городъ*". Слушаетъ музыку П. Чайковскаго. Изъ оперетокъ признаетъ только „*Чайный цвѣтокъ*" и „*Микадо*". Въ „кафешантанѣ" хлопаетъ исключительно дуэту „*Эсъ-тамъ-тамъ!*"...

Ни на шагъ безъ *китайскихъ церемоній*.

Изъ ресторановъ признаетъ только трактиры: „*Пекинъ*", „*Китай*", „*Японія*".

Тещу зоветъ не иначе, какъ „*дракономъ*"; жену—„*китайской розой*", и требуетъ, чтобы она разрисовывала себя *китайской тушью*.

Не признаетъ только давать „*на-чай*".

Ит—нецъ.

ОСЕННІЕ РАЗГОВОРЫ.

— Поль, о чемъ вы это давеча съ Иваномъ Ивановичемъ разсуждали?

— Это тебя не касается: мы вели рѣчи объ абстрактныхъ матеріяхъ.

— Объ абстрактныхъ матеріяхъ? Это, вѣроятно, новыя осеннія матеріи. Ахъ, какъ бы я желала надѣть абстрактное платье!

— Но, матушка, это было бы... неприлично.

— Неприлично? Ужъ эти мужчины! Вѣчно они, когда останутся одни, о чемъ-нибудь неприличномъ разговариваютъ.

—

— Ну, что, какъ, батенька, поживаете? Прозябаете?

— Покуда морозовъ нѣтъ, то ничего, а тамъ, быть можетъ, и прозябну.

—

— Вотъ и деревья обнажились. Прекратилось пѣнье птицъ, прекратился шелестъ листвы..

— Ужъ если ты, мой другъ, такъ любишь шелестъ, то купи мнѣ новое шелковое платье.

ОСКУДѢНІЕ.

Мы дѣтьми еще играли
(Были два имѣнья рядомъ);
Подросли мы и мѣнялись
Нѣжнымъ, робкимъ, долгимъ взглядомъ.

Обстоятельства, казалось,
Годы счастія сулили...
Но къ несчастью два папаши
Два имѣнья заложили.

И въ одно и то же время
Намъ грозила участь та же:
Съ молотка пошли имѣнья;
Уходите!.. Но куда же?

Я ушелъ служить въ столицу;
Но, сторонница свободы,
Тамъ она осталась все же,
Гдѣ жила младые годы.

Пріобрѣлъ имѣнья наши
Разуваевъ... Нѣтъ возврата...
Но она сумѣла выйти
За его родного брата.

Юн. Ювеналъ.

НЕ УЗНАЛЪ.

21-го числа канцелярскій чиновникъ Бутылкинъ проснулся со страшной головной болью послѣ вчерашняго кутежа... По головѣ—точно велосипедисты катались; въ глазахъ — прыгали чортики, товарищи-чиновники и какія-то намазанныя дѣвицы; всего ломало и корчило, какъ провинціальнаго трагика на сценѣ; руки дрожали, какъ у проворовавшагося кассира... Однимъ словомъ, Бутылкинъ ужасно страдалъ...

Первымъ долгомъ, онъ опохмелился, „хвативъ" три-четыре стаканчика водочки... Боль и страданія, какъ будто, немного утихли... Велосипедисты катались—изрѣдка... Только въ глазахъ вертѣлись красные, синіе и желтые круги... Потомъ Бутылкинъ пошелъ къ маленькому зеркалу, висѣвшему на стѣнкѣ рядомъ съ портретомъ его тещи, чтобы посмотрѣть на себя: каковъ ликъ и нѣтъ ли на ономъ какихъ-либо особенныхъ знаковъ...

Должно быть, отъ изряднаго похмелья, Бутылкинъ, вмѣсто зеркала, снялъ со стѣнки портретъ тещи и принялся себя разсматривать, яко бы въ зеркало...

— Гм!.. Плоховато что-то видно!.. Экъ, пыли-то сколько насѣло!.. Вытремъ платочкомъ... Тэкъ-съ!.. Вотъ теперь виднѣе!.. У-у-ухъ, и какая же у меня сегодня страшная рожа!.. Только бы дѣтей пугать!.. Даже на себя не похожъ!.. Право!.. Эхъ, пьянство, пьянство, — не доведешь ты до добра... Нѣтъ!.. А все Василій Михайловичъ!.. Чтобъ ему пусто было!.. Ну, и морда же у васъ, господинъ Бутылкинъ!.. Точно у ста-а-рой, преста-а-арой невской вѣдьмы!.. И вѣдь какъ вздулась-то за ночь—страсть!.. Частенько вы напивались, г. Бутылкинъ, но на другой день у васъ никогда не было такой богомерзкой и мерзопакостной рожи, какъ сегодня... Никогда-съ!... Да-съ!.. Шабашъ!.. Допились!.. Жаль васъ, а ничего не подѣлаешь!.. А все—водочка!.. Да-а-съ, съ такимъ страшнымъ рыломъ положительно нельзя показаться сегодня въ департаментъ!.. Нельзя-съ!!.. Останусь-ка лучше дома, да... выпью съ горя!!!..

Ф.

СТРАННЫЙ ВОПРОСЪ.

Воришка разсуждаетъ про себя послѣ допроса.

— Удивительные люди эти судьи! Толкуютъ: не воруй, сознайся прямо... Пожалуй, еще потребуютъ, чтобы самъ пошелъ, да заявилъ добровольно о сдѣланной кражѣ!..

Сомъ.

нюрѣ десять лошадиныхъ силъ, можно было бы сѣсть на любую таратайку и катить. Пропадай всѣ четыре колеса—и такъ доѣдемъ.

Но Сита свои десять лошадиныхъ силъ держитъ и въ турнюрѣ и въ секретѣ, заполучивъ предохранительный патентъ.

Придется управѣ разрѣшить финляндцамъ „напустить лектричества".

А мы по этому „лектричеству" и поѣдемъ.

* *
*

Листокъ происшествій, переполненный кражами, грабежами, убійствами, несмотря на свою кажущуюся мрачность, открываетъ передъ нами цѣлый міръ курьезовъ, разсыпанныхъ въ перемѣшку съ уголовщиной.

Что можетъ быть ужаснѣе насильственной смерти?! А между тѣмъ, въ послѣднихъ газетахъ, разсказываютъ печальный случай самоубійства нѣкоего провинціала Александрова, вызывающій странное настроеніе.

При разслѣдованіи самоубійства причинъ видимыхъ не оказалось, но окружающіе заявляютъ, что покойный покончилъ съ собой „желая разъ на всегда избавиться отъ мучившаго его катарра желудка".

Посовѣтуйся онъ съ кѣмъ-нибудь изъ петербуржцевъ, и результатъ былъ бы другой.

— Еще какъ, батенька, можно съ катарромъ жить, оге!..

Правы ли его родные и сосѣди—мы не знаемъ, но не дай Богъ, чтобы они были правы.

— У меня сегодня волосы не завиваются! печально скорбитъ какая-нибудь „бомбошка", и съ отчаянія, какъ арбузъ, отрѣзываетъ себѣ перочиннымъ ножомъ голову.

— Не могу выносить тошноты, выпить соды, что ли? Или нѣтъ... вотъ что!..

Чиновникъ лѣзетъ головой въ петлю, и черезъ минуту болтается въ воздухѣ.

Безобразіе, до чего мы развинтились!..

* *
*

Если говорили до сихъ поръ, что „обезьяну выдумалъ нѣмецъ", то это, вѣроятно, говорили про „Обезьяну", которую сочинили нѣмцы Ньютеръ и Трефе, выпрыгнувшую на-дняхъ на сцену Малаго театра.

Оперетта „Обезьяна" надѣлала не мало шума благодаря заглавной роли, въ которой кувыркался цирковый акробатъ.

Въ концѣ перваго дѣйствія обезьяна дѣлаетъ прыжокъ со сцены въ ложу перваго яруса, затѣмъ изъ бель-этажа дѣлаетъ возмутительный прыжокъ въ партеръ, рискуя сломать шею, за что и удостоивается громовыхъ аплодисментовъ.

— О-о-о-обезья-я-яна! вопитъ публика.

„Обезьяна" выходитъ и раскланивается.

Анонсируютъ о выводѣ на сцену „Желтаго осла".

Будемъ вызывать осла.

* *
*

Нѣсколько старыхъ дѣвъ, вѣрныхъ поклонницъ „короля вальсовъ", знаменитаго павловскаго льва Іоганна Штрауса, или какъ въ то время говорили, Страуса, сооружаютъ грандіозное подношеніе знаменитому капельмейстеру въ день 50-лѣтняго юбилея.

Самое подношеніе готовится втайнѣ. Извѣстно только, что масса шерсти всѣхъ оттѣнковъ ежедневно привозится изъ Перинной линіи.

Если вышиваются туфли—то они будутъ, пожалуй, въ пору Колоссу Родосскому... Вѣрнѣе всего то, что вышиваютъ халатъ.

Тс!.. Пожалуйста, никому ни слова!..

С. Эръ.

ХВОРАЯ.

Картины сельской жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Передѣлана изъ повѣсти А. А. ПОТѢХИНА и поставлена въ 1-й разъ на сценѣ Александринскаго театра 4-го Октября 1894 г.

Пьеса... «хворая»...

— Чортъ знаетъ, что это у васъ тутъ за порядки!.. зычно восклицаетъ г-жа Левкѣева въ началѣ пьесы, и публика въ душѣ, конечно, сочувствуетъ этому восклицанію...

— А «порядки» не важные!.. «Картинки изъ сельской жизни», да еще въ 4-хъ дѣйствіяхъ; отъ этого не на шутку захворать можно. А тутъ еще г-жу Дюжикову муженекъ съ свекровью съ «фатеры» гонятъ... Какъ тутъ не захворать! и г-жа Дюжикова начинаетъ ныть.

— Дай-ка пойду въ «волостное», рѣшаетъ г-жа Дюжикова,—тамъ г-нъ Варламовъ въ генеральскомъ мундирѣ сапоги тачаетъ (чего нынче, подумаешь, въ деревнѣ не бываетъ!!).

Пришла къ генералу и... ноетъ.

Выходитъ волостной писарь... Закурилъ папироску и велитъ писать прошеніе.

— Да какъ я, батюшка, писать-то стану, коли я безграмотная?..

— Дура!.. У насъ самъ старшина, и тотъ, безграмотный!.. отчеканиваетъ писарь и удаляется.

Г-жа Дюжикова ноетъ...

Сцена наполняется. Появляются земскій начальникъ, потомъ старшина и писарь, по адресу которыхъ г-жа Левкѣева «отпускаетъ» выраженьица въ родѣ: «пустопорожній животъ» и «кутья прокислая»... Земскій начальникъ, которому надоѣло не меньше, чѣмъ публикѣ, нытье г-жи Дюжиковой, велитъ водворить ее по «мѣсту жительства». Тутъ происходитъ нѣчто совершенно неожиданное: г-жа Дюжикова внезапно умираетъ, ее уже несутъ хоронить, свекровь проливаетъ горючія слезы, а покойница возьми да и очнись!.. За такое невѣроятное поведеніе рѣшаютъ г-жу Дюжикову отдать подъ судъ и посему она ноетъ crescendo...

Волостной судъ. На сценѣ толпа; трое корявыхъ мужичковъ, взятыхъ на прокатъ изъ «Плодовъ просвѣщенія»—изображаютъ судей. Писарь читаетъ резолюцію, по которой выходитъ какъ дважды два, что пьеса провалилась. Г-жа Дюжикова ноетъ, ноетъ, ноетъ и

умираетъ, но на этотъ разъ окончательно; муженекъ покойной почесываетъ затылокъ—большинство публики, высидѣвъ пьесу,—тоже.

КАКЪ ПОНИМАТЬ.

Пожилой мужъ и молоденькая жена въ кабинетѣ. Вечеръ. Скучно. Жена зѣваетъ.

— Что это, милочка, ты непремѣнно, когда я дома—начинаешь зѣвать?

— Но за то я, папка, безъ тебя *не зѣваю!*

Альц.

СОВРЕМЕННАЯ СВАДЬБА.

— Ты съ мужемъ, вѣроятно, поѣдешь послѣ вѣнца за границу?

— Что ты, съ ума сошла? Неужели ты думаешь, что я поѣду за границу съ человѣкомъ, котораго *вовсе не знаю.*

Беръ.

СХОДСТВО.

— Вотъ портретъ моей покойной жены... Замѣчательное сходство!.. При взглядѣ на портретъ, даже уши зажать хочется...

Б.

За редактора издатель *Р. Голике.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

XVI годъ. **О ПОДПИСКѢ** годъ XVI.

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ,

„ШУТЪ"

НА 1894 ГОДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ перес. и дост.:

На годъ . . . . 7 руб.
На 6 мѣсяцевъ . . . . 4 »
За границу . . . . . 10 »

Разсрочка по соглашенію съ конторою.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ безъ перес. и дост.:

На годъ . . . . . 6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ . . . 3 » 50 к.

Адресъ редакціи: Спб. Спасская, 17.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЪ «ШУТЪ» ПОМѢЩАЕТЪ:

Болѣе ТРЕХСОТЪ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографія).

Болѣе ТЫСЯЧИ карикатуръ—перомъ и карандашемъ.

Не менѣе СЕМИСОТЪ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста.

ТЫСЯЧИ стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п.

КАРИКАТУРЫ-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ.

КАРИКАТУРЫ на художественныя выставки, скачки, маскарады гонки и т. п.

ПОРТРЕТЫ выдающихся героевъ дня.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:

„ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛИЧНОСТЕЙ".

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ для годовыхъ подписчиковъ:

„ЦАРЕВИЧЪ МАЙ"

(СКАЗКА О ЛЮБВИ).

Текстъ Алёши Чудиловича.

10 ГЛАВЪ ВЪ СТИХАХЪ СЪ РОСКОШНЫМИ РИСУНКАМИ.

За пересылку преміи приплаты не полагается.

За редактора—издатель Р. ГОЛИКЕ.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА «ШУТЪ».

ЗА ПЕРЕМѢНУ городского АДРЕСА въ Петербургѣ на петербургскій же, и иногородняго на иногородный, гг. подписчики благоволятъ присылать 28 коп. почтовыми марками или деньгами; въ остальныхъ случаяхъ перемѣны адреса—50 коп., БЕЗЪ ЧЕГО ПЕРЕМѢНА СДѢЛАНА НЕ БУДЕТЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Октября 1894 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. 17